

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 8**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 8 / Нет автора – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 320 с.

ISBN 978-5-458-04658-9

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04658-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ.

Мораль жизни и свободного идеала.

„Самое важное—научить жить. Жить же—не значить дышать, а дѣйствовать; это значить пользоваться органами, чувствами, способностями, всѣми частями нашего существа. Не тотъ человѣкъ долѣе жилъ, который можетъ насчитать больше годовъ жизни, а тотъ, который больше чувствовалъ жизнь“
(Ж. Ж. Руссо: „Эмилъ или воспитаніе“, стр. 7).

I.

Медленно и постепенно шло развитіе нравственности въ человѣческомъ родѣ. Изъ того первобытнаго своего состоянія, отличительной чертой котораго Летурно считаетъ антропофагію, путемъ многихъ и многихъ вѣковъ человѣчество перешло къ современному состоянію наемнаго труда и денежнаго хозяйства, къ состоянію скрытаго экономическаго порабощенія человѣка человѣкомъ, принявшаго призрачную форму свободы. И такъ же медленно, въ соотвѣтствіи съ развитіемъ индивидуальной и общественной жизни, создавались и вырабатывались различныя системы и теоріи нравственности. Каждая изъ такихъ системъ была отраженіемъ современнаго ей состоянія общественной и личной жизни... Но жизнь общественная слишкомъ сложна: рядомъ съ извѣстною совокупностью явленій, опредѣляю-

шихъ *настоящій* складъ этой жизни, вы можете всегда обнаружить явленія, отражающія ея прошлое, оставшееся въ качествѣ разнаго рода переживаній и ожидающее времени, чтобы быть сданнымъ въ архивъ, и, наконецъ, присматриваясь болѣе внимательно, вы съумѣете открыть также въ текущей жизни зародыши новаго грядущаго порядка. Это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе,—оно объясняетъ намъ, почему въ опредѣленный періодъ общественной жизни мы встрѣчаемся съ столь разнообразными и часто противоположными другъ другу системами нравственности. Последнее зависитъ отъ того, какія стороны этой жизни отражаютъ эти различныя системы, какіе „опыты жизни“ легли въ ихъ основу, представителями какихъ началъ и какихъ дѣятельностей являлись ихъ творцы. Соединяя вмѣстѣ всѣ эти различныя системы, какъ тѣ, которыя нашли свое выраженіе въ книгахъ и были ясно сформулированы учеными и мыслителями, такъ и тѣ, которыя находятъ свое выраженіе въ поступкахъ cadaго человѣка и часто только на половину сознательно воплощаются множествомъ людей въ практической жизни, — соединяя ихъ всѣ вмѣстѣ, мы можемъ получить болѣе или менѣе цѣльную картину нравственныхъ стремленій даннаго общества; но всегда наибольшій интересъ изъ нихъ будутъ имѣть для насъ тѣ системы, которыя являются выраженіемъ нарождающагося будущаго.

И въ настоящее время существуетъ нѣсколько различныхъ системъ нравственности: мораль объективнаго долга, выросшая на почвѣ такихъ общественныхъ отношеній, когда надъ человѣческой жизнью тяготѣетъ внѣшняя сила, естественный или сверхъестественный авторитетъ; мораль пользы или удовольствія, являющаяся отраженіемъ современнаго намъ меркантильнаго общества, въ которомъ каждый занятъ погоней за своимъ личнымъ матеріальнымъ интересомъ, — и, наконецъ, мораль, которой принадлежитъ будущее, мораль свободной безкорыстной любви къ человѣчеству и ко всему живому, мораль непринужденно развивающейся жизни и свободного идеала, всеобщей гармоніи

и солидарности, сознательно осуществляемой и воплощаемой *). Однимъ изъ выдающихся представителей послѣдней морали является недавно умершій, талантливый французскій мыслитель Гюйо, изложенію и критикѣ нравственной теоріи котораго мы и намѣрены посвятить настоящую статью.

II.

Въ своемъ сочиненіи „La morale anglaise contemporaine“, резюмируя общіе выводы критическаго обзора англійской морали, Гюйо спрашиваетъ себя: „Къ какому же результату мы приходимъ послѣ этой долгой критики всѣхъ утилитарныхъ системъ, основанныхъ на поискахъ удовольствія, счастья, благосостоянія или просто нормальныхъ условій жизни? Кажется, что мы могли бы формулировать слѣдующее заключеніе, — именно, что трудно основать на простыхъ фактахъ, съ помощью чисто-научныхъ наведеній и безъ метафизическихъ гипотезъ, систему нравственности въ томъ прямомъ смыслѣ, въ какомъ берется это слово обыкновенно“ **). Это сознаніе невозможности построить научную систему нравственности, опирающуюся на однихъ только положительныхъ данныхъ опыта и которая по своему объему была бы сопряжена со всею сферою обыкновенной практической нравственности, — это сознаніе составляетъ отличительную черту постановки нравственныхъ вопросовъ за послѣднее время. Дать мѣсто въ области морали метафизикѣ, въ благородномъ смыслѣ этого слова, оказывается неизбѣжнымъ, если только мы не хотимъ поставить человека въ пассивное положеніе передъ множествомъ важныхъ задачъ, которыя ставятся ему на каждомъ шагу жизни, и на которыя наука отказывается дать ему какой-либо точный и опредѣленный отвѣтъ. Но только метафизика, ко-

*) Само собою понятно, что каждая изъ этихъ системъ нравственности имѣетъ самыя многоразличныя формы, и кромѣ того существуютъ также всевозможныя *смѣшанныя* системы, перечислять которыя не входитъ здѣсь въ нашу задачу.

**) М. Guaya: „La morale anglaise contemporaine“, р. 371 и 372.

торуую принуждены допустить новѣйшія системы нравственности,—не прежняя апріорная метафизика, съ ея категорическимъ императивомъ, съ ея абсолютною обязанностью и санкціей, съ ея безусловными рѣшеніями,—эта метафизика не можетъ уживаться рядомъ съ положительной наукой. Ея мѣсто замѣнила *свободная метафизическая гипотеза* по поводу всѣхъ тѣхъ „проклятыхъ вопросовъ“, на которые отказывается отвѣчать наука,—гипотеза обязательная только для того, кто ее составилъ, и могущая имѣть „убѣдительный“, но отнюдь не обязательный характеръ по отношенію ко всѣмъ другимъ. „Гдѣ прекращается знаніе, — говоритъ А. Фулье, — тамъ должна начинаться метафизика, и въ особенности метафизика въ дѣйствіи, — эта поэзія жизни, быть-можетъ болѣе вдохновенная, чѣмъ наука, и болѣе глубокая, чѣмъ метафизика абстрактная, и которая выражается въ добродѣтели, самоотверженіи, любви къ другимъ“*). А изъ другого его сочиненія—„Критика современныхъ системъ нравственности“—мы ясно убѣждаемся, что подъ этой метафизикой Фулье разумѣетъ не абсолютную апріорную метафизику старыхъ философскихъ школъ, которыя имѣютъ претензію воображать, что онѣ обладаютъ полнымъ „пониманіемъ абсолютнаго блага“, и что ихъ идеаль является универсальнымъ, обязательнымъ для всѣхъ людей. „Такъ какъ всякая идея объ абсолютномъ благѣ — не что иное, какъ проблема, то никто не имѣетъ права—ни раціональнаго, ни соціальнаго—дѣйствовать такъ, какъ-бы онъ обладалъ объективной достовѣрностью; онъ можетъ только воздерживаться относительно другихъ, когда другіе не раздѣляютъ тѣхъ же мнѣній, или дѣйствовать съ ихъ помощью, когда тѣ представляютъ себѣ одинаково съ нимъ идеаль, неуловимый для науки“**).

Такимъ образомъ, самые выдающіеся представители по-

*) *A. Fouillée*: „La liberté et le déterminisme“, p. 358.

**) *A. Fouillée*: „Critique des systèmes de morale contemporains“, Par. 1883, p. XII (русское изд., стр. 9). Ср. его же *L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience*, Par. 1889.

слѣднихъ нравственныхъ теорій во Франціи, Фулье и Гюйо, одинаково пришли къ тому заключенію, что этика, какъ наука, ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на то, чтобы охватить всю сферу нравственныхъ дѣйствій человѣка, какъ это имѣла претензію сдѣлать, по мнѣнію Гюйо, утилитарная и эволюціонная система нравственности. Это расширеніе своего объема она покупала, по его мнѣнію, цѣною насилуванія фактовъ... Но ограничить такимъ образомъ науку—значить-ли пошатнуть ея истинность? Нисколько: это значитъ только придать ей „большій характеръ достовѣрности“. „Этика истинно-научная не должна претендовать на то, чтобы все обнимать, и далекая отъ того, чтобы преувеличивать объемъ своей области, она должна бы стараться о томъ, чтобы самоё себя ограничить. Нужно, чтобы она согласилась сказать чистосердечно: въ такомъ-то и такомъ случаѣ я ничего вамъ не могу предписывать; нѣтъ болѣе ни обязанности, ни санкціи; совѣтуйтесь съ вашими инстинктами, съ вашими симпатіями и отвращеніями; создавайте метафизическія гипотезы о сущности вещей, о назначеніи существъ и вашемъ собственномъ,—начиная отъ этого опредѣленнаго пункта, вы предоставлены на ваше собственное «самоуправленіе» (self-government). Это есть свобода въ морали, состоящая не въ отсутствіи всякаго регулированія, но въ воздержаніи отъ регулированія, всякій разъ, какъ оно не можетъ быть оправдано съ достаточной точностью*». Установленію такимъ образомъ ограниченной научной теоріи нравственности Гюйо и посвящаетъ свое замѣчательное сочиненіе: „Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction“. Этотъ трудъ представляетъ намъ попытку построить систему нравственности на однихъ строго-научныхъ данныхъ, безъ всякой абсолютной обязанности и абсолютной санкціи, и указать, гдѣ кончается эта наука о нравственности и гдѣ вступаетъ въ свои права метафизика,— гдѣ нравственность, выражаясь словами Фулье, перестаетъ

*) М. Guyau: „Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction“, р. 2, 3.

быть „реализованнымъ знаніемъ“, а становится перенесеніемъ въ практику „высокихъ нравственныхъ гипотезъ,вѣрованій, стоящихъ выше доказательствъ“, становится реализаціей знанія „только возможного и вѣроятнаго, а не положительнаго и достовѣрнаго“ *). Посмотримъ же, какъ справляется Гюйо съ этой задачей.

III.

„Мораль, основанная на фактахъ,—говоритъ Гюйо,—не можетъ представлять индивидууму, въ качествѣ первой побудительной причины дѣйствія, благо или счастье общества, потому что счастье общественное находится часто въ антагонизмѣ со счастьемъ индивидуума. Въ случаяхъ подобнаго противоположенія, общественное счастье, какъ такое, можетъ сдѣлаться для личности сознательною цѣлью только въ силу *чистаго* безкорыстія; но это чистое безкорыстіе невозможно констатировать, какъ фактъ, и существованіе его во всѣ времена было оспариваемо. Такимъ образомъ, для того чтобы съ самаго начала не заключать въ себѣ постулатъ, не могущій быть провѣреннымъ, мораль должна прежде всего быть *индивидуалистична*; она должна заниматься судьбами общества только въ той мѣрѣ, въ какой онѣ охватываютъ болѣе или менѣе судьбы личности“ **). Въ томъ-то и заключалась, по мнѣнію Гюйо, коренная ошибка утилитаристовъ, какъ Стюартъ Милль, и даже эволюціонистовъ, что они сплавляли въ одно цѣлое социальную и индивидуальную стороны нравственной проблемы. Но эта *индивидуалистическая мораль*, основанная на фактахъ, не представляетъ однако ни въ какомъ случаѣ отрицанія морали метафизической или религіозной, основанной, на примѣръ, на какомъ-нибудь безличномъ идеалѣ: далекая отъ такого намѣренія, она просто только построена въ совершенно другой сферѣ. Эта мораль не думаетъ ни отрицать, ни ис-

*) A. Fouillée: „Critique des systèmes de morale contemporains“, p. 23 (русское изд., стр. 39).

**) M. Guyau: „Esquisse d'une morale“, p. 7.

ключать какихъ-либо цѣлей, которыя ставятся метафизиками, какъ *желательныя* (*désirables*),—она просто только оставляетъ въ сторонѣ понятіе *желательнаго*, какъ стоящее выше нея, и ограничивается констатированіемъ того, что *желается* нами на самомъ дѣлѣ. Цѣли, преслѣдуемыя въ дѣйствительности людьми и всѣми живыми существами, въ высшей степени многообразны; однако, такъ какъ жизнь представляетъ повсюду общія свойства и одинъ и тотъ же типъ организации, то въ высшей степени вѣроятно, что цѣли, преслѣдуемыя различными индивидуумами, сводятся болѣе или менѣе къ единству. „Эта единственная цѣль дѣйствія не можетъ быть ни «благомъ», являющимся неопредѣленной концепціей, которая, когда желаютъ ее опредѣлить, разрѣшается въ метафизическія гипотезы,—ни обязанностью, которая не представляется уже болѣе для науки основнымъ, примитивнымъ, ни на что не сводимымъ началомъ,—ни даже, можетъ-быть, счастьемъ...“

Въ чемъ же заключается, однако, естественная цѣль человѣческихъ дѣйствій? Гдѣ та точка, въ которую цѣлится человечество и которая одинаково существуетъ для всѣхъ живыхъ существъ, „гдѣ тотъ центръ универсальнаго усилія существъ, на который направлены удары великой случайности вещей (*les coups du grand hasard des choses*),—причемъ, можетъ-быть, ни одинъ изъ этихъ ударовъ никогда не попадалъ вполнѣ точно; причемъ, можетъ-быть, цѣль никогда вполнѣ не достигалась?“ Согласно „гедонистамъ“, естественное направленіе каждаго дѣйствія есть минимумъ страданія и максимумъ удовольствія: въ своей эволюціи жизнь сознательная всегда слѣдуетъ линіи наименьшаго страданія. Не оспаривая этого опредѣленія, Гюйо находитъ тѣмъ не менѣе, что оно еще слишкомъ узко, „потому что оно примѣняется только къ актамъ сознательнымъ и болѣе или менѣе произвольнымъ, а не къ актамъ безсознательнымъ и автоматическимъ, которые совершаются, слѣдуя просто линіи наименьшаго сопротивленія“. А между тѣмъ мы должны признать, что сознаніе обнимаетъ только долю

и притомъ довольно ограниченную долю жизни и дѣятельности. „Даже дѣйствія, которыя совершаются съ полнымъ сознаниемъ самихъ себя, имѣютъ вообще свое начало и свое первое происхожденіе въ скрытыхъ инстинктахъ и въ рефлективныхъ движеніяхъ. Сознаніе является только маленькой свѣтящейся точкой въ огромной темной сферѣ жизни“. Естественная пружина дѣйствія прежде чѣмъ явиться въ сознаніи, должна была уже дѣйствовать до него, такъ сказать, подъ нимъ, въ темной области инстинктовъ; постоянная цѣль дѣйствія должна была быть первоначально постоянною причиною движеній болѣе или менѣе безсознательныхъ. Въ сущности, цѣли суть не что иное, какъ обычныя двигательныя причины (*causes motrices*), достигшія сознанія самихъ себя; всякое волевое движеніе началось въ качествѣ движенія самопроизвольнаго, исполняемаго слѣпо, потому что послѣднее представляло наименѣе сопротивленія; всякое желаніе сознательное было сначала инстинктомъ. Сфера конечныхъ цѣлей, совпадаетъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ центрѣ, со сферою дѣйствующихъ причинъ. „Такимъ образомъ, тотъ вопросъ, который мы раньше ставили въ такой формѣ: какова цѣль, къ которой постоянно направляется дѣйствіе, преобразуется съ другой точки зрѣнія въ слѣдующій вопросъ: въ чемъ заключается постоянная причина дѣйствія? Въ круговоротѣ жизни та точка, въ которую цѣлятся, совпадаетъ съ той самой точкой, откуда направляются удары“.

„Мы думаемъ,—говоритъ Гюйо, — что мораль истинно-научная, чтобы быть полной, должна допустить, что поиски удовольствія суть послѣдствіе инстинктивнаго усилія сохранить и увеличить жизнь: *цѣль*, которая, на самомъ дѣлѣ, *опредѣляетъ* всякое дѣйствіе сознательное, есть также *причина*, которая *производитъ* всякое дѣйствіе безсознательное: это—сама *жизнь*, — жизнь въ одно и то же время наиболѣе интенсивная и наиболѣе разнообразная въ своихъ формахъ. Съ самаго перваго трепетанія зародыша во чревѣ матери до послѣдней предсмертной судороги старика, всякое дви-